

великолепные
ДЕТЕКТИВНЫЕ
истории

Елена Логунова

Верный знак

Татьяна Устинова

Все ничего

Галина Романова

Лучший из мужчин

Наталья Антонова

Наша бабушка пошла вразнос

Евгения Державина

Исповедь снега

Алекс Винтер

Сжечь Страшилу

Александр Рыжов

Всадник огненный

Детектив К 3иМе

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д38

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Д. Сазонов*

Детектив к зиме : сборник рассказов. —
Д38 Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-230301-2

Зима — это время, когда земля окутывается бело-снежным одеялом, а дома наполняются уютом и теплом. Этот сезон ассоциируется с ожиданием чего-то сказочного. «Детектив к зиме» приглашает читателя в мир запутанных тайн и интриг, происходящих на фоне снежного декабря, магического января и загадочного февраля. В сборник вошли захватывающие истории, действие которых идеально вписывается в зимнюю атмосферу. Эти рассказы обещают стать отличными спутниками для долгих вечеров с чашкой горячего шоколада!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-230301-2

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

• СОДЕРЖАНИЕ •

Елена Логунова

ВЕРНЫЙ ЗНАК

7

Татьяна Устинова

ВСЕ НИЧЕГО

47

Галина Романова

ЛУЧШИЙ ИЗ МУЖЧИН

51

Наталия Антонова

НАША БАБУШКА ПОШЛА ВРАЗНОС

89

Евгения Державина

ИСПОВЕДЬ СНЕГА

180

Алекс Винтер

СЖЕЧЬ СТРАШИЛУ

230

Александр Рыжов

ВСАДНИК ОГНЕННЫЙ

264

ЕЛЕНА ЛОГУНОВА

• ВЕРНЫЙ ЗНАК •

Будьте внимательны, Лизонька! — говорила профессорша Смирницкая, тряся высоким чубом ослепительной рыжины: на чистую седину хна ложится совершенно роскошно.

Профессоршу звали Леокадией Аркадьевной, злаязыкие студиозусы за глаза окрестили ее Какаду. Задорный рыжий чуб, крупный горбатый нос и походка с подскоком дополнительно оправдывали прозвище.

Прищуриваясь, Лиза видела перед собой большого попугая.

Попугай со вкусом пил чай из фарфоровой чашки с красивым геометрическим узором «Кобальтовая сетка» и с удовольствием вещал:

— Знаки, Лизонька! Они повсюду — символы, сигналы, приметы, признаки, знаменья...

Леокадия Аркадьевна была профессором филологии и синонимы могла подбирать бесконечно. У Лизы не хватило терпения дожидаться окончания затянувшейся фразы.

— И что? — спросила она.

Получилось невежливо.

Попугай мигнул застекленными круглыми очками глазами и как-то очень буднично закончил:

— И все, Лизонька! Не увидишь, не поймешь, не оценишь верно — конец, афронт, фиаско. Жизнь пойдет не тем путем.

Лиза посмотрела в окно. За ним была Миллионная улица — ныне тихая, сонная, будто и не из престижных центральных. Профессорша жила в старой, еще родительской квартире и в ней же работала, периодически радушно принимая в барских хоромы своих бедных аспирантов с их недоделанными диссертациями. Въедливо правила несовершенные тексты научных работ, безжалостно тыкала молодых коллег в их ошибки, а потом великодушно отпаивала чаем.

Чай у профессорши был вкусный и горячий. Лиза выпила две чашки — про запас. На улице стоял мороз, а ей предстояло дойти до метро, доехать до конечной и, пересев на пригородный автобус, трястись на нем до бабкиной деревни.

Бабка Лизы профессоршей не была, барских хором на Миллионной не имела и оста-

вила внучке только деревенский дом на улице с поэтическим названием Заречная. Прошлой весной Лиза смело вложилась в его реновацию, продав свою студию в спальном районе. Спустя восемь месяцев, потратив почти все деньги и кучу нервов, она могла почти комфортно жить в своем небольшом, но уютном доме в перспективном районе Ленобласти. Жаль, на покупку хоть какой-то машины денег не осталось, и добираться из милого деревенского дома до центра Петербурга приходилось битых три часа. Обратное — так же, и это если не вечером, когда автобус то и дело застревает в пробках.

— Мне пора, Леокадия Аркадьевна, у меня же автобус! — Лиза заторопилась, подскочила, принялась собирать в папку пронумерованные листы, разложенные на дальнем конце огромного стола.

Профессорша вредничала и соглашалась работать только с распечатанными текстами. Отправить ей на вычитку электронную версию не представлялось возможным. Лиза предвидела, что ей еще не раз придется приехать с Заречной на Миллионную.

Так себе удовольствие в морозном декабре.

В детстве Лиза любила последний месяц года, но к своим двадцати пяти полностью утратила веру в новогодние чудеса, а что еще хорошего есть в декабре, кроме ожидания

праздника? Рано темнеет, круглосуточно холодно, под ногами то снежная каша, то ледяные лужи, а в голове одна мысль: «Разве это жизнь?!»

Не то чтобы собственная жизнь ее решительно не устраивала, просто Лизе казалось: она уже довольно давно не живет, а выживает. Преодолеывает, справляется, выносит, терпит, выдерживает, противостоит и страдает...

Аспирант-филолог Лиза тоже владела искусством подбирать синонимы.

Только она вышла из теплой парадной на улицу Миллионную, как захотелось отдать что угодно, хоть тот же миллион, которого у нее, впрочем, не имелось, за чудесную возможность мгновенно оказаться на станции метро.

Увы, телепортации на филфаке не учили — пришлось Лизе брести, согнувшись и зажмурившись, против фирменного питерского косого дождя со снегом и ветром, исполняя матросский танец с зонтиком вместо паруса и проклиная погоду и судьбу на всех известных ей языках (русском, старославянском и латыни).

Видимо, это как-то подготовило ее к встрече с тем парнем. В отличие от других добрых граждан, Лиза при его появлении не стала креститься, шепча непослушными губами: «Свят, свят, свят»... А некоторые так делали, она сама слышала.

Парень вошел на станцию почти одновременно с Лизой. Точнее, сразу за ней, благодарным бормотанием отметив ее любезную помощь: она придержала для него тяжелую дверь. Сделала это машинально и, уже пропуская его мимо себя, удивилась, изумилась, ахнула и диву далась — аж обомлела, одеревенела, окаменела, окостенела и остолбенела.

Парень нес на плече крест.

Спокойно так, с достоинством. Не стонал, не роптал и не сетовал. На охи-ахи остолбеневших и одеревеневших не реагировал, отчего выглядел человеком вполне нормальным (в отличие от окостеневших-обомлевших), земным и занятым простым и понятным делом. Ну, несет он свой крест, и что с того? Целенаправленно несет. Точно знает куда, даже со схемой метро не сверяется. Все у него под контролем.

Так, наверное, подумали и сотрудники метрополитена — препятствовать проезду парня с крестом в метро не стали.

Да у них, наверное, и не было инструкции на такой случай. Вряд ли в правилах написано, что в метро нельзя со своим крестом. Вот если бы он с гробом приперся...

Лиза машинально оглянулась, проверяя, не идет ли за парнем с крестом парень с гробом. Тому бы точно понадобилось двери придерживать... Тьфу, о чем она думает?!

Спохватившись, Лиза заторопилась и даже обогнала парня с крестом на подходе к эскалатору.

Ну да: она же спешила, а он — не очень.

Резонно, кстати. Туда, где уже все под крестами, обычно не особо спешат.

В двери вагона они снова шагнули один за другим: сначала Лиза, потом он. Вернее, они: тот парень и его крест.

Свободных сидячих мест в вечерний час в вагоне, конечно, не было. Нисколько не надеясь, что кто-нибудь ей уступит, Лиза сразу прошла в тупичок, покрепче ухватилась за поручень и уставилась на свое отражение в темном стекле, приготовившись скоротать в его компании ближайшие тридцать минут. Но рядом тут же встал парень с крестом, что едва не обеспечило Лизу косоглазием. Она не хотела этого показывать, но всю дорогу тайком рассматривала их обоих — парня и его крест.

Крест был большой и красивый. Рыже-вато-коричневый, гладкий, без единой зазубринки. Его так и хотелось потрогать, Лиза с трудом удержалась. Мысленно цыкнула на себя: не смей! Это же не коллективное бревно на субботнике, а крест — очень личная вещь, вот заведешь свой собственный — его и гладь. Хотя — как? Мало кто обзаводится своим крестом еще при жизни.

То есть она сразу поняла, что этот парень — очень особенный. И, конечно же, постаралась его рассмотреть. Но не трогала, даже не собиралась!

Парень был высокий, длинноногий, плечистый. Лицо хорошее, чистое, с правильными чертами. Без бороды.

К кресту, по мнению Лизы, просилась борода. Уж если рассматривать крест как аксессуар и неотъемлемую часть стильного лука... Тьфу, вот опять она думает не о том!

Думать надо было о правках, которые потребовала внести профессорша Смирницкая, нацарапавшая свои бесценные советы и замечания на полях распечатанной рукописи весьма небрежно (как какаду лапой), да еще и в зашифрованном виде. Лиза очень старалась запомнить, что означают сокращенные слова и таинственные знаки попугаячьей письменности, но боялась, что ее девичья память с этой задачей не справится. Поэтому выбросила из головы парня с крестом, достала из портфеля рукопись и принялась просматривать почеркушки профессорши, пока не забыла, какими комментариями они сопровождались.

Как доехали до конечной — даже не заметила. Неплохо поработала, почти половину рукописи просмотрела.

Строго-настрога наказав себе вторую половину диссера проглядеть в автобусе, Лиза

вышла из метро и зашагала к остановке. По счастью, дождь уже закончился, хотя бы мятросский танец с зонтиком опять исполнять не пришлось.

Про парня с крестом она уже забыла, а зря. Он снова попался ей на глаза, когда она села в автобус. Ну как — села? Запрыгнула в заднюю дверь уже отъезжающего транспорта, выдохнула — успела! — и ловко ухватилась за поручень над головой. Вовремя: автобус тряхнуло так, что папка с рукописью не удержалась у нее под мышкой, упала на пол, раскрылась — и из нее фонтаном полетели плотно заполненные печатными и рукописными буквами листы многострадальной диссертации.

А безобразно неаккуратный водитель еще не успел закрыть заднюю дверь! И полетели листы, подхваченные сквозняком, не куда-нибудь, а прямо за борт!

Лиза ахнула, пискнула:

— Остановите! — но, кажется, даже не была услышана.

В отчаянии она бы, пожалуй, выскочила из автобуса вслед за своим беглым диссером, но дверь с издевательским «Пуфф!» закрылась прямо перед ее носом.

Все еще жалобно, как подстреленный зайчик, вереща «Остановите, остановите!», Лиза влипла лицом в стекло и вот тогда-то снова увидела парня с крестом.

Придерживая на плече свою ношу, он наклонился и собирал покрытые буковками листы.

— Погоди ты, не части и не реви, давай по порядку. — Тома не дала Лизе выплакаться в свою жилетку.

Подруге некогда было дожидаться, пока водопад слез иссякнет сам. У бывшей однокурсницы Лизы, ныне учительницы Тамары Викторовны, не было времени на продолжительный сеанс психологической разгрузки. Она еще не все тетрадки с итоговыми декабрьскими сочинениями проверила.

— Проблема в том, что ты потеряла распечатку диссертации с пометками Какаду, так? — Тома не забыла прозвище колоритной профессорши. — Но какой-то парень те листы подобрал, так?

Лиза согласно икнула, подтверждая сказанное.

— Значит, нужно найти того парня, вот и все, — решила Тома.

— Как? — Лиза снова хныкнула. — Как найти? Ни телефона его, ни адреса я не знаю, да и внешность не очень запомнила.

— А фото нет? Объявление дать...

— Фото есть, но плохое. — Лиза успела всего разочек щелкнуть парня своим смартфоном из отъезжающего автобуса. — Темное,